

Исследовательская статья
УДК 008; 23/28; 271; 811.162.1
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-35-83-105>

«Православный разлом»: образ России и «русского мира» в оптике общественного мнения православных верующих современной Польши

Елена Владимировна Федюкина

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия
ladperezvon@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-5034-7473>

Аннотация. Православный ареал Польши, географически весьма протяжённый, но численно очень незначительный, представляет интереснейший феномен с точки зрения его конфессиональной, лингвистической и культурной специфики. Данное исследование фокусирует внимание на проблеме отражения образа современной России и трактовки «русского мира» в общественном мнении Польши, представленном чрезвычайно широко и не сводимом к публикациям медиа. Соответственно его целью является определение основных векторов оценки этих феноменов на материале кейсов, попавших в поле дискуссии внутри самой Польши, особенно тех, кто так или иначе оценивает ареал польского православия *изнутри самого польского православия*. Задачи исследования: 1) обосновать релевантную методологию анализа общественного мнения в призме экспертных оценок одной из сторон общественной дискуссии; 2) уточнить современные подходы к понятию «православный поляк», раскрыть институциональные особенности польского православия; 3) описать специфику феномена русофобии как одного из вариантов негативного образа России, выявить его исторические основания и современные акценты в польском социуме; 4) выявить лингвокультурную специфику актуальных процессов в современном польском православии на материале конфессиональной лексики, а также определить лингвокультурные маркеры оценочности, связанные с особенностями восприятия польского православия сквозь призму образа России и «русского мира» в современной Польше; 5) установить специфику отношения польского общества к кириллице как общему достоянию славянских народов в контексте современных национально-культурных, конфессиональных и этнорегиональных дистинкций. Исследование опирается на компаративный и аксиологический подходы, в нём использованы приёмы имагологии и лингвокультурологии. Применяются также конкретные исследовательские методы экспертного интервью, дискурс- и SWOT-анализа, а также метод кейсов. Материалами исследования послужили отдельные публикации польских медиа (в том числе православных), публицистика, художественные, философские и научные труды, а также экспертные оценки проблем, связанных с православием в Польше

и восприятием образа России и «русского мира» в этой стране. В результате обоснован вывод о наличии цивилизационного разлома, проходящего по линии самоидентификации «православных поляков», одним из ключевых маркеров которого, как это ни парадоксально, является отношение к русской культуре. Обоснована роль имагологии и лингвокультурологии в анализе специфики общественного мнения, *отталкивающегося* сегодня от образа России и «русского мира» даже в рамках польского православия. Параллельно анализ подходов к самому понятию «православный поляк» выявляет наличие дрейфа его содержания от этноконфессиональной спецификации этого сообщества к его самоописанию языком национально-культурной и общегражданской идентичности. В свою очередь, уточнение влияния институциональных особенностей современного польского православия показывает наличие «разломов» (например, проблема признания легитимности получения автокефалии из рук Константинопольского либо Московского патриарха) в самой организационной структуре этой конфессии. В итоге усиливается вектор русофобии, объективирующий негативный образ России, множачий стереотипы и затрудняющий процессы самовосприятия самим православным полякам. Лингвокультурная специфика современного польского православия определена в призме ряда лингвокультурных маркеров полярной оценочности в самовосприятии польского православия, вследствие чего образы России и русского «мира» нередко играют роль пейоратива. При этом однозначно позитивные коннотации в «польском мире» вызывает кириллица, воспринимаемая в призме науки, церковной жизни и политики как общее достояние славянских народов, хранительницей которого выступает Польша.

Ключевые слова: польское православие, периодика, ассимиляция, идентичность, имагология, русский мир, русофобия, образ страны, кириллическое наследие

Для цитирования: Федюкина Е. В. «Православный разлом»: образ России и «русского мира» в оптике общественного мнения православных верующих современной Польши. // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 3. — С. 83–105. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-83-105>

Research article

Orthodox Rift: **The Image of Russia and the Russian World** **in the Public Opinion of Orthodox Believers** **in Modern Poland**

Elena V. Fedyukina

The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia;
ladperezvon@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-5034-7473>

Abstract. The Orthodox area of Poland, geographically extensive but numerically insignificant, represents a particularly interesting phenomenon in terms of its confessional, linguistic and cultural specificity. This study focuses on how the image of modern Russia and the concept of *the Russian world* are reflected in public opinion in Poland. These reflections are widely represented and are not limited to media publications alone. The goal of this study is to determine the main vectors through which these phenomena are assessed, based on cases that have become part of public discourse in Poland, especially among those who assess the area of Polish Orthodoxy from within the Polish Orthodox community itself. The objectives of the study are as follows: 1) to substantiate a relevant

methodology for analyzing public opinion in the light of expert assessments of one of the parties to the public discussion; 2) to clarify modern approaches to the concept of the *Orthodox Pole* and to reveal the institutional features of Polish Orthodoxy; 3) to describe the specifics of the phenomenon of Russophobia as one of the variants of the negative image of Russia and to identify its historical foundations and modern emphases in Polish society; 4) to identify the linguocultural specifics of current processes in modern Polish Orthodoxy based on confessional vocabulary, as well as to determine the evaluative linguocultural markers associated with the peculiarities of the perception of Polish Orthodoxy through the lens of the image of Russia and *the Russian world* in modern Poland; 5) to establish the specifics of Polish societal attitudes towards the Cyrillic alphabet as a shared heritage of the Slavic peoples in the context of modern national-cultural, confessional and ethno-religious distinctions. The study is based on comparative and axiological approaches and uses the methods of imagology and linguacultural studies. Specific research methods of expert interviews, discourse and SWOT analysis, and the case study method are also used. The research materials include publications of Polish media (including Orthodox ones), journalism, fiction, philosophical and scientific works, as well as expert assessments of problems related to Orthodoxy in Poland and the perception of the image of Russia and *the Russian world* in the country. As a result, the study reveals the existence of a civilizational rift running along the line of self-identification of Orthodox Poles, one of the key markers of which, paradoxically, is the attitude to Russian culture. The study substantiates the role of imagology and linguacultural studies in the analysis of the specifics of public opinion, which today is based on the image of Russia and *the Russian world*, even within the framework of Polish Orthodoxy. Analysis of approaches to the very concept of an *Orthodox Pole* reveals a shift in its content from the ethno-confessional specification to community's self-description in the language of national-cultural and civil identity. In turn, a clarification of the influence of the institutional features of modern Polish Orthodoxy shows the presence of "fractures" (for example, the problem of recognizing the legitimacy of receiving autocephaly from the Patriarch of Constantinople or Moscow) in the very organizational structure of this confession. As a result, Russophobia is intensifying in the form of objectifying the negative image of Russia, multiplying stereotypes and complicating the processes of self-perception for Orthodox Poles themselves. The linguocultural specificity of modern Polish Orthodoxy is reflected in evaluative polarities within its own self-perception, because of which the images of Russia and *the Russian world* often take on a pejorative role. At the same time, the Cyrillic alphabet, perceived through lenses of science, church life and politics as the shared heritage of the Slavic peoples, the custodian of which is Poland, has clearly positive connotations among Poles.

Keywords: Polish Orthodoxy, periodicals, assimilation, identity, imagology, Russian world, Russophobia, image of the country, Cyrillic heritage

For citation: : Fedyukina, E. V. (2025) 'Orthodox Rift: The Image of Russia and the Russian World in the Public Opinion of Orthodox Believers in Modern Poland', , *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(3), pp. 83–105. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-83-105>

Введение: поиски исследовательской призмы

Сразу отметим, что понятие «русский» в данном контексте понимается в предельно широком смысле культурной принадлежности к определённым ценностям и традициям, среди которых этническая и конфессиональная принадлежность могут быть выделены в один из проблемных блоков. Россия и «русский мир» — слова, которые значат настолько много, что их

трудно подвести под единый терминологический знаменатель. Установление того, политоним перед нами, этноним либо конфессионализм, потребует отдельного многотомного исследования. Вместо этого мы попытаемся проследить, каким образом эти возможные смыслы раскрываются в зеркале польской культуры. Это зеркало не всегда кажется «приятным собеседником», но вопрос о том, насколько оно способно «доложить всю правду», как в известной сказке А. С. Пушкина, остаётся предметом важным и несомненно интересным.

Сами слова — Россия и «русский мир» — богатейшие по своему содержанию понятия, родственные не только для россиян. Их семантическая близость по-своему воспринимается православными верующими Польши, отражаясь в текстах, создаваемых этой локальной православной культурой. Для православной среды Польши, являющейся частью культурно-конфессиональной общности *Slavia Orthodoxa*¹, Россия с её православием долгое время была центром притяжения и опорой для конструирования собственной идентичности. «Русский мир» в связи с этим был родствен мироощущению коренных жителей территорий, принадлежавших некогда Западной Руси и входивших в разное историческое время в различные государственные образования: Великое княжество Литовское, Речь Посполитую, Российскую империю, в настоящее же время — в Республику Польшу. Данный ареал как пространство межкультурного пограничья представляет оригинальный культурный феномен в конфессиональном, лингвокультурном и социальном аспектах. Проживавшие здесь носители православия ощущали своё духовное родство с российскими православными верующими, многие имели родственные связи с жителями других ареалов распространения православия — в частности, находившихся на территории бывшей Российской империи.

Сегодня многие внутренние и внешние факторы (в частности, актуальные международные конфликты) вызвали заметные изменения в восприятии «русского мира» среди православных Польши. Динамика этих изменений явственно прослеживается в общественных дискуссиях последних лет.

В данном исследовании внимание фокусируется преимущественно на двух взаимосвязанных аспектах восприятия образа России и «русского мира»: во-первых, его актуальном восприятии, транслируемым медиа (включая православные); во-вторых, рассматривается соответствующий

дискурс в более широком общественно-публицистическом, поэтическом и научном контекстах. В условиях блокировки межкультурного диалога между Россией и Польшей и «разведения мостов» между странами аспект оценки «Другого» как внутри православной конфессии, так и на уровне межконфессионального диалога представляется существенным и требующим научного описания и фиксации.

Крупнейший знаток польской литературы и русско-польских культурных связей В. А. Хорев отметил в своей монографии, что «отношения между Россией и Польшей всегда складывались под мощным воздействием политических ситуаций, которые резко обострялись в переломные эпохи» [Хорев, 2005: 144]. Волею исторических судеб славянские народы переживают новую переломную эпоху, рождающую новые и обостряющую старые этнокультурные и конфессиональные конфликты.

Проблемы, возникающие при контакте культур, как известно изучаются различными научными дисциплинами. В последнее время они всё чаще опираются на приёмы имагологии, лингвокультурологии и комплексных религиозоведческих исследований. В самом деле, имагология, раскрывающая образ «Другого» на конкретном материала «зеркала», отображающего одну культуру в другой, закономерно обращается к анализу языкового материала, позволяющего состояться такому «отображению». Развитие современной имагологии, её «прорастание» из области художественных образов переводной литературы в области политических, экономических, гуманитарных и иных дискурсов позволяет расширить ареал применения имагологии, увязав её с дискурс-анализом и приёмами лингвокультурологии. В свою очередь, лингвокультурологическая работа позволяет проследить нюансы смыслополагания, свойственные тому или иному времени, — в том числе, в аспекте интереса к национально-культурной и религиозной самоидентификации.

¹ Термины *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* используются в славистике вслед за Р. Пиккио для обозначения культурно-языкового ареала славян православного и католического исповеданий.

В данной связи становятся особенно востребованным внимание к таким понятиям, как «образ», «клише» и «стереотип» (или даже «предубеждение»): ведь именно они раскрывают специфику оценки «Другого» в призме его переконструирования в «языке-реципиенте». Как известно, имагология активно использует социологические, философские и даже психологические термины², что свидетельствует о стремлении к выработке комплексного подхода к рассматриваемой проблематике. В этой связи можно сказать, что имагология вызрела в недрах компаративистики, и её опора на печатное слово (исходно, как уже говорилось, — на литературу, переведённую с языка оригинала на «язык-реципиент») ныне активно развивается в направлении экстраполяции данных приёмов на широкий спектр гуманитарного знания [Бахарева, 2022].

В своё время российский учёный В. П. Трыков, автор монографии, посвящённой образу России в литературе Запада, отметил: «имагологическое направление исследований стало особенно востребованным в эпоху глобализации с её межэтническими конфликтами» [Трыков, 2017: 27]. Для нашего исследования это замечание особенно ценно, и вот почему.

Дело в том, что специфика сравнительного подхода к диалогу культур предполагает своеобразное расслоение видения «другой» культуры. В коллективной монографии под редакцией Трыкова приводится классификация образа «чужой страны», составленная московской исследовательницей А. Ю. Большаковой, в которой выделены четыре стадии этого образа. Во-первых, это реально существующий национальный мир, часть социокультурной действительности. Во-вторых, это образ,

сложившийся в национальном сознании носителя языка. В-третьих, это образ, претворённый художественным сознанием, творческим воображением и культурной памятью народа. И, наконец, четвёртая грань образа создаётся другими народами под впечатлением общения, чтения и других коммуникативных средств [Трыков, 2017: 26]. Именно последний пункт классификации Большаковой отражает главное направление данного исследования, черпающего материал из актуальных материалов периодики, научных статей и экспертных интервью, посвящённых рецепции образа России и «русского мира» в общественном мнении современной Польши. Понятно, что в данной связи нельзя обойти вниманием ареал польского православия, которое традиционно представляло собой специфическое культурное явление, в котором пересекались различные векторы, конструирующие идентичность.

В числе таких векторов можно назвать религиозный. Однако при опоре на другую оптику можно, например, сделать акцент на национальном или национально-культурном факторе, а при желании — вернуться к ныне устаревшему³ термину «этничность», описывающему макросоциальные группы в терминах родства. Поскольку в настоящее время мало кто из исследователей будет спорить с тем, что идентичности — феномены конструируемые и перформативные, язык описания в данном случае сам должен быть тщательно выделен, описан и деконструирован. Эта лингвокультурологическая работа, дополняя и корректируя работу имагологическую, не решит конечно всех теоретико-методологических проблем. Однако она может помочь уточнить, почему обращение к казалось бы единым и разрозненным свидетельствам,

² Миры образов - образы мира = Bilderwelten - Weltbilder : Bilderwelten - Weltbilder: Справ. по имагологии / [Науч. ред.: Элке Менэрт, В. А. Павлов ; Пер. с нем. М. И. Логвинова, Н. В. Бутковой]. 2-е изд., доп. Волгоград: Перемена, 2003. 93 с.

³ Само родство, разумеется, не является устаревшим маркером социальной группы, однако в современных условиях оно вряд ли может буквально проецироваться на большие по численности социальные объединения. В свою очередь, это не отменяет возможности использования данного маркера в процессе конструирования идентичностей, в том числе и макросоциальных; именно поэтому мы в данном контексте берём слово «этничность» в кавычки. В отечественной науке такой подход к этничности отстаивает, в частности, В. А. Тишков [Тишков, 2016]. См. также: Алымов С. С. Теория этноса // Большая российская энциклопедия. 2022. 6 июн. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-etnosa-542e8d>

собранным в данном исследовании в связи с рецепцией «русскости» в культурном пространстве *другой страны* может сказать об этом процессе не меньше (а то и больше), чем тщательно отобранные и обработанные данные массовых «замеров» — или, скажем, результаты качественного или количественного контент-анализа, выполненного с помощью Dig Data.

Теоретическая призма Большаковой, речь о которой шла выше, позволяет проследить взаимодействие нескольких уровней, присутствующих в том или ином страновом контексте. Для начала уместно обратиться ко второй из названных здесь стадий, т.е. к образу страны, уже сложившемуся — в нашем случае, в православном польском социуме. Сопоставление второй стадии с третьей (поэтический образ) и четвёртой (образ, прошедший горнило коммуникации, в том числе, и меди-коммуникации), по нашему мнению, обнаруживает ряд существенных изменений ценностно-установочного характера, маркирующих динамику рецепции образа России в культурном пространстве современной Польши.

Заметим также, что тема, связанная с рецепцией образа русской культуры внутри собственно православного ареала, настолько обширна, что к настоящему времени её разработка в научной литературе не может считаться исчерпанной. Прежде всего, остаётся открытым вопрос об актуальном состоянии этого процесса, включая комплексную оценку происходящих тектонических сдвигов на фоне текущих геополитических изменений. Наше исследование восполняет эту лауну на достаточно мозаичном, и вместе с тем весьма красноречивом материале кейсов, наглядно иллюстрирующих значимые моменты изучаемых процессов. Особую значимость, на наш взгляд, ему придаёт обращение к голосу жителей Польши, идентифицирующих себя в качестве православных. Их отношение к России, «русскому миру» и «русскости» в самом широком смысле в настоящее время проходит очередной этап испытаний. Тем самым комплексное исследование этого феномена призвано помочь

установить существенные тенденции восприятия образа России в более широком, общестрановом, контексте современной Польши.

Православные поляки: кто они?

Православие в Польше тщательно изучено по целому ряду направлений, в том числе — в историко-филологическом ключе. Среди ярких работ этого профиля можно выделить исследования российских славистов Ю. А. Лабынцева и Л. Л. Щавинской, в которых акцентируется значение православной книжности, характерной для этнокультурной контактной зоны русско-польского пограничья [Лабынцев, Щавинская, 1999]. В свою очередь, проблемы взаимодействия культур Польши и России в длительной исторической перспективе поднимают в своих культурно-философских исследованиях преподаватели находящегося в Польше Ягеллонского университета — Ханна Ковальска-Стус, Ян Страдомски, хранитель библиотеки Супрасльского монастыря профессор А. Наумов и многие другие.

Имагологические аспекты культурных и политических контактов между Россией и Польшей исследуются довольно активно ещё с 1990-х гг., причём вклад польских учёных здесь явно перевешивает. Несомненное лидерство принадлежит Польскому институту международных отношений, под руководством известного слависта Анджея де Лазари осуществлявшему международный исследовательский проект «Взаимные предубеждения поляков и русских». К реализации данного проекта привлекались как польские, так и российские исследователи, итогом чего стали несколько сборников, носящих междисциплинарный характер.

В России в этот период также появился ряд исследований по имагологической проблематике, среди них прежде всего следует отметить издания Вятского и Калининградского университетов. Некоторые из этих публикаций затрагивают проблемы, перекликающиеся с поднятой нами

темой, анализируя, в частности, отражение облика русского человека и российских реалий в текстах современной польской культуры⁴.

Предпринятое нами исследование является продолжением многолетней работы над темой православия в Польше в аспектах его лингвокультурной и аксиологической специфики, итогом чего стал ряд статей, а также изданный в Варшаве «Русско-польский лексикон православной терминологии»⁵, который был использован в качестве одного из источников при создании «Словаря польской православной терминологии» силами польских учёных в 2007–2022 гг.⁶

Итак, кто же такие православные поляки? Начнём с того, что современная Польша представляет поликультурный и поликонфессиональный социальный организм. Помимо католиков, которых здесь подавляющее большинство, в стране официально зафиксированы лютеранское, православное и иудейское вероисповедания. Православное население ныне рассеяно по всей территории Польши, однако на фоне общей массы населения страны (порядка 38 миллионов) православные, согласно переписи 2021 г., составляют ныне всего 0,4 % (152226 человек вместе с незначительным количеством старообрядцев)⁷, причём их численность неуклонно убывает. По результатам переписи 2002 г. православных насчитывалось почти в пять раз больше, т.е. неполных 2 %⁸.

Организационно Православная церковь объединена в шесть епархий: Варшавско-Бельская, Белостокско-Гданьская, Люблинско-Холмская, Вроцлавско-Щецинская. Лодзько-Познанская, Пшемысльско-Горлицкая. Названия епархий отражают географию

расселения православного населения Польши: это и непосредственно исторические территории, то есть преимущественно восточная и юго-восточная части современной Польши, и прочие регионы страны, куда православные попали в силу ряда историко-политических факторов, и в частности — принудительных выселок.

Своеобразная «полиэтничность» православия в Польше — один из самых характерных признаков, который отнюдь не удивителен для мировой религии, некогда объявившей, что «нет ни эллина, ни иудея» (Колл 3:11). Здесь множественность групповых идентификаций по принципу родства наслаивается на разделённость страны по собственно конфессиональному признаку, покрывающему в повседневном употреблении так называемые этнические характеристики. Так, общим местом, нередко воспроизводимым не только медиа, но и представителями научного сообщества, стало высказывание, согласно которому традиционным историко-географическим рубежом между «славянами восточными, православными», и «западными, католиками», в своё время была граница бывшего Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Отождествление конфессионима и этнонима, имеющее место в данном случае, в истории, в том числе новейшей, не редкость. В то же время, конструируемая таким образом идентичность в сознании православных поляков увязана с территориальными маркерами и маркерами родства. Соответственно, некритическое использование этноконфессионального принципа деления не отменяет тот факт, что такое деление реально существует и задаёт векторы групповой интеграции по указанным признакам.

⁴ Мальцев Л. А. Проблемы имагологии: литературный диалог между Россией и Западом: учебное пособие. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та, 2023. 74 с.

⁵ Fedyukina, H. Leksikon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2014. 271 s.

⁶ Słownik terminologii prawosławnej / Pod red. Ks. Wiesława Przyczyny, K. Czarneckiej, ks. M. Lawreszuka. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2022. 606 s.

⁷ 2021 / NSP 2021 - wyniki ostateczne / Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2021. Ocena jakości danych. URL: <https://stat.gov.pl/spisy-powszechne/nsp-2021/nsp-2021-wyniki-ostateczne/tablice-z-ostatecznymi-danymi-w-zakresie-przynaloznosci-narodowo-etnicznej-jezyka-uzywanego-w-domu-oraz-przynaloznosci-do-wyznania-religijnego,10,1.html>

⁸ По результатам всеобщей переписи населения Речи Посполитой в 2002 г., опубликованном в «Православном обозрении». См.: Przegląd prawosławny. 2004. № 1. S. 44–45.

В самом деле, издавна земли, которые заселяли предки современных белорусов и украинцев, назывались Подляшьем (либо, в интерпретации ряда филологов, Подлясьем). Ныне Подлясье — крупнейший ареал расселения православных, а его главный город Белосток считается столицей православия. Исторически сложившаяся здесь этноконфессиональная общность на протяжении столетий воспроизводила свои православные традиции, что обеспечивало преемственность конфессиональной культуры. Однако в результате неизбежной ассимиляции различные восточнославянские народы постепенно интегрируются в польскую национальную культуру, которая достаточно сильно акцентирует свою генетическую связь с католическим обрядом.

В силу асинхронности и неоднородности ассимиляционных процессов идентичность православного населения нельзя облечь в чёткие контуры. Считается, что в этноконфессиональном плане она наиболее выразительна у т.н. лемков (русинов, карпатороссов) — потомков жителей Карпатской Руси⁹, а также у части населения Белосточкины — потомков жителей Западной и Юго-западной Руси (отождествляющих себя соответственно с белорусами, украинцами, либо просто именующих себя «местными», «здешними»¹⁰, т.е. группой населения без акцентной этнической или этнорелигиозной самоидентификации).

Степень социальной активности групп, определяющих себя с помощью этнических, этнорелигиозных и «просто» религиозных маркеров, неодинакова, что в свою очередь влияет на уровень ассимиляции. Считается, что наиболее пассивными в этом отношении оказались потомки

белорусов, подвергшиеся ассимиляции в гораздо большей степени, чем другие группы. Исследовательница национальных меньшинств в Польше Л. С. Лыкошина справедливо отметила это обстоятельство, говоря о малой активности белорусского меньшинства, в минимальной степени воспользовавшегося «возможностями национального развития, открывшимися в связи с демократизацией общественной жизни» [Лыкошина, 2015: 83]. Очередным свидетельством этого является факт, отмеченный редактором «Православного обозрения» в первом январском номере журнала за 2025 г.: в текущем учебном году не было ни одного ученика, записавшегося в 1-й класс начальной школы с изучением белорусского языка¹¹.

В последние два-три десятилетия польское государство, по крайней мере на уровне декларации, взяло курс на мультикультурность своей страны, последовательными этапами которого стали принятые на государственном уровне «Закон об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» (1991)¹² и «Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке» (2005)¹³. Хотя их разработке сопутствовали определённые трения, в польском обществе эти государственные акты были в целом восприняты как шаги к возрождению традиций полиэтнической Речи Посполитой. Однако подъём церковной жизни не сопровождался, да и не мог сопровождаться, аналогичным возрождением этническим в силу множества факторов, определяющим из которых можно считать ассимиляцию. Собственно этнические границы, оформившиеся исторически в православной среде, с течением времени

⁹ В данной статье не затрагиваются проблемы, связанные с разделением лемков на православных и униатов. Здесь для нас существенно, что именно лемкам удалось добиться признания статуса своего языка (этнолекта сообщества лемков) как языка национального меньшинства на основе соответствующего закона, принятого в 2005 г.

¹⁰ В польской версии *tutejsi*.

¹¹ Из интервью с вице-президентом г. Белостока М. Масальским, опубликованного в «Православном обозрении». См.: *Dzieło pomocy // Przegląd prawosławny*. 2025. № 1. ss. 13–15.

¹² *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1991. № 66. poz. 287. Цит. no: Matwiejuk J. Kształtowanie się stanu prawnego PAKP//ЕАПИС. 2007. Roczn. IX. Zesz. 15-16. S. 52.

¹³ *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* 2005. Nr. 17. poz. 141. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu20050170141>

стираются, вызывая трансформацию локальной идентичности в общепольскую нацию, следствием чего является фактический разрыв с исторической православной («русской») самоидентификацией. Таким образом происходит переключение производства идентичности на отождествление этноконфессионального — со специфически культурным, то есть в современном понимании — национальным. В результате к настоящему времени подавляющее большинство православных составляют т.н. «православные поляки». То есть наблюдается очередная попытка конструирования самоназвания (и самосознания) общности, основанная на совмещении этнического и конфессионального признаков и направленная на выработку общенациональной идентичности, непротиворечиво вписывающейся в идентичность общегражданскую.

Исторически эти процессы достаточно болезненно воспринимались меньшинствами, — в данном случае группами, чья идентичность строилась по признаку родства, совмещённого с конфессиональной принадлежностью. В Польше этот процесс получил название «ополячивания» православных верующих. Его начало современные исследователи относят к 1920-х гг. [Лабынцев, Щавинская, 2000; 1999: 16–17], когда в ходе становления молодого польского государства процесс ассимиляции затронул, прежде всего, языковую составляющую идентичности православного населения. Не будет большой натяжкой сказать, что в немалой степени этот процесс был связан со стремлением определённой части клира и верующих как можно скорее адаптировать православие к новым реалиям независимой Польши. Наиболее ярко это проявлялось в попытках использования польского шрифта при передаче восточнославянских и церковнославянских (в первую очередь молитвенных) текстов.

Идейные мотивы движения «православных поляков», сформулированные почти сто лет назад, в большой мере и ныне определяют позицию православных верующих

этой страны. Фундамент этой идеи состоит в утверждении (далеко не бесспорном с культурно-исторической точки зрения) о тысячелетнем существовании польского православного народа. Данный тезис очевидным образом задаёт вектор создания имплицитной национально-культурной идентичности, которой не было и не могло быть тысячу лет назад, опрокидывая время её зарождения в некое прошлое, отсылка к которому сакрализует сегодняшние процессы в тех понятиях, которые нерелевантны этому прошлому. В конечном итоге, вне зависимости от той или иной идеологии, «воображающей» те или иные культурные миры на основании тех или иных интеграторов, в терминах современного религиоведения православные поляки — та преобладающая часть членов Польской Православной Церкви, которая либо ассимилировалась в культурном и/или этническом ключе, сохранив своё исповедание, либо, идентифицируя себя с польской нацией, приняла православие по тем или иным личным мотивам¹⁴.

В поисках корней русофобии — откуда на польской земле «есть пошли» негативные образы России

Трудно не согласиться с конструктивистским, по сути, суждением упомянутого выше польского учёного де Лазари, считающего, что «культура программирует наше суждение и наше поведение» [Лазари, 2003: 14]. Дифференциация культурных традиций может послужить ключом не только для объяснения множества бытующих среди поляков стереотипов, но и для понимания сложных, часто противоречивых процессов, происходящих с идентичностью православного населения Польши, культурная интегрированность которого являет собой мозаичную картину, в ментальном отношении представляющую некую перемышку между традициями *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Православные Польши как часть польского социума

¹⁴ Одним из мотивов может быть брак с православным, как, например, у ниже цитируемой Эльжбеты Чиквин, известного в Польше социолога.

не первое столетие находятся под воздействием отрицательной доминанты в умонастроениях польских политиков и риториков, выстраивающих *свою* идентичность по принципу исторически сложившегося *отталкивания* от «русского пространства». Последовательное формирование этого «православного разлома» не обходится без влияния антирусской направленности польской восточной политики, где особенную роль играют взаимоотношения официальных Церквей (в нашем контексте ограничимся рассмотрением Польской Православной Церкви и ряда католических Церквей, действующих в рамках Конференции католических епископов Польши) с политической элитой государства. Взаимодействие с властями на различных уровнях определяет необходимость вписывания конкретной конфессии в актуальный идеологический фон страны и явного желания *приручить* православие, сделав из него идейного союзника.

Общепольский контекст, внутри которого православие существует как своего рода субкультура, в принципе, очевиден и не требует особых комментариев. Православные верующие в различные исторические эпохи существования Польши в разной степени несли на себе своего рода «стигмат», по выражению польского социолога Эльжбеты Чиквин, принадлежности к иной конфессии [Czykwin, 2000: 175]. Поскольку в сознании рядового поляка бытует стереотип *rusek prawosławny*¹⁵, т.е. «раз русский, значит, православный», представляющий перевернутое со *Polak to katolik*, т.е. «раз поляк, значит, католик», эта «стигматизация» осложнялась этническим фактором, становясь благодатной почвой для русофобии. «Стигматизация» коррелирует и с выкладками некоторых цивилизационных теорий, о чём речь пойдёт ниже.

Действительно, русофобия в Польше явление не новое: Россия как политический соперник, внешне- и внутри- политический

враг вызывала отрицательные ассоциации у поляков. Сегодня это обернулось устойчивыми мифологическими представлениями о «руке» Москвы. Более того, со времён разделов Польши о православии говорилось не иначе как об орудии русификации¹⁶. Став общим местом, эти представления уже давно и довольно прочно укоренились в общественном сознании страны, демонстрируя необыкновенную живучесть. Польша, действительно, «больна Россией», как заметил в заглавии своей книги краковский историк идей и политолог Бронислав Лаговский, сторонник дружественных отношений с восточным соседом [Łagowski, 2016]. Идя вразрез с мейнстримом в польском общественном сознании, Лаговский выделяет такие обуславливающие польскую «восточную политику» принципы, как «неспособность и нежелание видеть факты такими, каковы они на самом деле», «полное игнорирование мнения другой стороны», «высокомерие, освобождающее от необходимости обоснования “непреложных фактов”» и пр. [Łagowski, 2016: 75]. Эти принципы могут быть результатом определённых глубинных процессов в общественном сознании, которые можно рассматривать как в историко-политическом, так и в социокультурном контекстах. Тем не менее, подобные стереотипы бытуют в общественном мнении, а их критика — явление крайне редкое (но всё же не мифическое), характерное для отдельных исследователей, голос которых можно расслышать, в частности на страницах периодического издания «Польская мысль», о чём дальше.

Действительно, в среде (преимущественно) краковских учёных делаются попытки увязать истоки русофобии с различием культурных традиций, оформивших западную и восточную разновидности христианства. По мнению философа культуры и филолога, многолетнего преподавателя Ягеллонского университета Ханны

¹⁵ *Rusek* — пренебрежительное наименование русского человека.

¹⁶ Русификация, действительно, имела место, но уже после Январского восстания в Польше, т.е. во второй половине XIX и до начала XX вв.

Ковальской-Стус, русофобия — не следствие стереотипов, но является их источником: русофобия «влияла на исторические и политические решения», и сегодня она «способствует возникновению стереотипов»¹⁷. В статье «Культурный фундамент польской русофобии», опубликованной в интернет-версии журнала «Myśl polska», Ковальска-Стус отмечает, что большинство работ, посвящённых русофобии, исследует симптомы, а не причины данного явления. Причины, по её мнению, «в генетическом различии» культурных традиций России и Польши, связанных с разным переживанием и пониманием времени и пространства. Определяя пространственно-временные доминанты обеих культур, краковская исследовательница считает, что унаследованная от римской цивилизации темпоральная оценка событий и восприятия мира в целом, вызывающая стремление овладеть историческим временем, характерна для польской культуры. Русь же, как наследница Византии, пребывающая преимущественно в состоянии статики, идеологической и институциональной неизменяемости, оценивается ею в пространственной перспективе. Причём акцентируется роль и антропологического фактора: «креативно-свободная личность» как элемент западной культурной модели, порождённой Фомой Аквинским, противопоставляется личности, вызревшей в исихастско-патристической традиции, «основными принципами которой являются служение и смирение». Эта точка зрения, несомненно, заслуживает внимания и может привести к интересным научным выводам в поисках глубинных корней «руссофобии», однако детальное её рассмотрение не является целью нашей работы.

Вместе с тем нельзя не заметить отдалённой переклички подходов современных философов культуры в вопросе оценки личности представителей различных культур с мнениями сторонников цивилизационных теорий, сложившихся в Польше

XIX и XX вв. Идеи их авторов, Франтишека Духинского (1826–1893) и Феликса Конечного (1862–1949), используются в качестве антирусской аргументации и в настоящее время. В статье современного польского историка Ярослава Зелинского «Теория цивилизаций по Феликсу Конечному» анализируются, в частности, элементы цивилизационной теории последнего. Одним из положений этой теории является утверждение о том, что нелатинские цивилизации, в том числе «московско-казачья», не создали народов, так как не боролись за нравственность, но, «предводимые деспотами, были, скорее, милитаристическими группировками» [Zieliński, 2019: 294]. Бороться же за нравственные цели, по Конечному, могли только народы, вызревшие в лоне латинской цивилизации. Такой подход позволил современным православным польским аналитикам сделать вывод о том, что в аксиологическом аспекте для поляков многие важные ценности (патриотизм, любовь к отечеству и свободе, вера, чувство человеческого достоинства) «имеют при себе своего рода знак минус», поскольку их внутренний смысл сопряжён с сознанием превосходства своей культуры и истории, как принадлежащих к элитной западной цивилизации, над более примитивной, как им представляется, культурой своих восточных соседей¹⁸. Отметим, однако, что православные критики данной теории прошли мимо мысли Конечного о том, что «на территории латинской цивилизации возможно появление народов вне её круга», но ставших народами благодаря её влиянию [Zieliński, 2019: 294]. О каких народах мог говорить Конечный? Не имел ли он в виду, в частности, и восточных славян, составлявших вместе с поляками единое государственное образование?

В любом случае здесь нельзя пройти мимо ещё одного важного момента, связанного с различием православия «внешнего» и «внутреннего» (читай, российского, московского, — и «своего», местного,

¹⁷ Kowalska-Stus H. Kulturowe podstawy polskiej rusofobii // Myśl Polska. 2024. № 51–52. URL: <https://myslpolska.info/2024/12/20/kulturowe-podstawy-polskiej-rusofobii/>

¹⁸ Radziukiewicz A. Rynek pamięci // Przegląd prawosławny. 2016. №8. S. 37.

белорусско-украинского). Правда, обе разновидности православия, как отмечает профессор Варшавского университета Анджей Вежбицки, стали одинаково неприемлемы, уже начиная с эпохи Кон-трреформации, когда был «сформирован миф Польши как *antemurale christianitatis* (“защитной крепости христианства”)). Обе воспринимались как противостояние тенденции католизации и полонизации могучего государства [Вежбицки, 2014: 73]¹⁹. Ситуация не менялась практически до рубежа XX–XXI вв., когда Польша претерпела коренную реорганизацию общественного устройства и пошла навстречу этноконфессиональным меньшинствам, получившим государственную санкцию для своего развития. Политические события последних лет заставили власти определиться также в отношении беженцев не католического, а во множестве, православного вероисповедания. В итоге очень быстро стал воздвигаться рубеж между «внутренним» и «внешним» православием, состоящий в стремлении оторвать внутреннее от внешнего и выразившийся в особом внимании официальных властей к событиям, отделяющим Польскую церковь от Русской, которые будут освещены далее.

Поставленная нами задача может быть решена путём рассмотрения того, как «русскость» воспринимается среди самого православного населения Польши. Насколько определяет это восприятие внутренний потенциал самой культуры с её византийско-русскими корнями? Для этого взглянем на православную конфессию в Польше со стороны её языковой составляющей и хотя бы в общих чертах уясним лингвокультурную специфичность православной церковной терминологии.

Между греками и русскими: новейшая тенденция грецизации богословского и богослужебного лексикона

Приходится констатировать, что в настоящее время преграда «русскости» возводится и внутри польского православия. Возведение этого барьера коррелирует с исходящим от государственной власти стремлением к подчинению Польской православной церкви Константинопольскому патриархату, проявившимся сразу после обретения Польшей независимости. Данный идейный поворот отразился в небольшой степени и на православной терминологии. В последние десятилетия престиж греческого языка с его богатейшим святоотеческим наследием, неуклонно возрастает, — например, греческую по происхождению терминологию активно используют в научных публикациях на польском языке, особенно в контексте изучения богословских идей православия и православной духовности. Растёт число переводов с древних языков. Однако нельзя не заметить определённую перенасыщенность произведений научно-богословского характера грецизмами, затрудняющими восприятие передаваемых смыслов.

Подвергается грецизированию²⁰ и богослужебная лексика, гораздо более тесно связанная с народным религиозным сознанием, нежели богословская. Примечателен, в связи с этим, процесс присвоения греческой формы церковнославянизмам, образующим основной пласт именно богослужебной лексики. В качестве примера можно привести случаи употребления (прежде всего, в письменной форме) таких

¹⁹ Эта мифологема веками сохранялась в сознании поляков, а в какой-то мере имманентно присуща и современному их сознанию.

²⁰ В настоящее время интерес к этому феномену возрастает в разных областях знания — истории, теории перевода и т.д. [Козлов, 2024].

терминов, как *megalinarion* вместо «величание», *koinokion* вместо «отпуст», *fotogagikon* вместо «светилен», *Pentekostarion* вместо «Триодь цветная», *hormologion* вместо «часослов» и др., которые уже давно закрепились в языке верующих в церковнославянской форме. Это явление нашло отражение в вышеупомянутом новейшем словаре польской православной терминологии.

Таким образом, тенденция развития современной православной богословской и богослужебной терминологии такова, что термины в их греческой форме проникают в язык теологии и литургической практики, будучи используемы в богословской литературе даже при наличии в речи православных верующих исходных терминов церковнославянского происхождения. За какой лексикой будущее, за греческой либо за славянской, зависит во многом от простых верующих, мирян, на которых, в сущности, как отмечалось нами в предыдущих публикациях, лежит миссия хранения местной православной традиции [Федюкина, 2022: 84]. Возможно, отдельные греческие термины прочно вплетутся в ткань православной терминологии, — если не вызовут отторжения в православной среде.

Периодика как лакмусовая бумажка отношения к России

Поиск репрезентаций образа страны возможен не только как результат анализа философских, художественных, научных или богословских текстов. Особенности восприятия образа России можно проследить и на материале медийных публикаций. Изучение православной периодики даёт возможность не только выявить специфику местного конфессиолекта в контексте словарной работы, но и обозначить проблемы, связанные с диалогом культур, понимаемым в данном случае как контакт различных локальных традиций с общим православным знаменателем.

По высказыванию учёных из Вятки О. Ю. и О. А. Поляковых, образ страны формируется не только и не сколько «в его художественно-эстетической неповторимости», но определяется как «результат взаимодействия наблюдаемой и наблюдающей культур»²¹. Наблюдающей в данном случае являются одновременно общенациональная польская культура — и субкультура польского православия, которая не может сегодня быть изолированной от медийных дискурсов. Пропитываясь бытующими здесь идеологемами, формирующими общественное мнение, оно постепенно трансформируется, о чём свидетельствуют, например, публикации общепольского православного журнала «Православное обозрение», а также печатного органа Варшавской митрополии «Церковный вестник». Один из векторов такой трансформации — определённые изменения видения России и восприятия «русскости».

Как уже отмечалось нами ранее, Россия с её православными традициями, была во многом «своей» для православного населения Польши [Федюкина, 2024: 234]. Объяснение этому найти нетрудно: православие как общий конфессиональный фундамент формировало сходные мировоззренческие установки, которые определяли и позицию верующих, и позицию авторов публикуемых в СМИ материалов. Даже беглое знакомство с материалами православных медиа Польши показывает, что вплоть до последнего военного конфликта они были нацелены на формирование положительного образа России. Это делалось за счёт регулярных публикаций, представляющих российские православные сайты, интервью с духовными деятелями Русской Церкви и представителями православной общественности в России. Здесь же публиковались паломнические дневники, выступления российского патриарха по волнующим православных верующих вопросам, давались анонсы издательских новинок из России и т. д. Позитивный

²¹ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Литературоведческая имагология: учебное пособие. Киров: Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2023. С. 47.

образ *родственной* страны создавала также традиция публиковать часть материалов на русском языке.

Разумеется, православное сообщество в Польше не могло остаться в стороне от бурных событий последних лет, которые практически изгнали российскую тематику со страниц православных изданий. Теперь здесь регулярно публикуются материалы с негативным подтекстом в отношении России, особенно когда речь идёт о ситуации на Украине²². Однако Россия всё же сохраняет своё присутствие, но уже в неприметно-завуалированной форме. Современный образ России в большинстве публикаций выстраивается на страницах православной периодики с помощью текстов агиографического характера, а также благодаря статьям о русском богословии и фрагментам литературных произведений. Таким образом, в аспекте тематического отражения на страницах православной прессы здесь можно выделить три репрезентативные области: непосредственно православная тематика, связанная с почитанием общих святых (продолжает слышаться голос православных подвижников: патриарха Тихона, святителя Иоанна Шанхайского, старца Иоанна Крестьянкина, епископа Антония Блума и др.), а также эпизодически: русская литература и русская религиозная философия²³.

Как видим, уход российской тематики со страниц польской православной прессы не носит тотального характера, связь с русской культурой частично сохраняется. Можно предположить, что, хотя динамика репрезентации сегодня не в пользу последней, окончательного разрыва не произошло, хотя имеющийся в обществе культурно-конфессиональный и этноконфессиональный разлом более заметным образом распространился на область польского православия.

Анализ материалов православной прессы убедительно показывает наличие в современном польском обществе полярных трактовок «русскости» и «русского мира».

Одна из сторон может быть представлена высказыванием Евгения Чиквина, многолетнего депутата от православного меньшинства в польском Сейме (ныне он главный редактор «Православного обозрения»). Евгений Чивкин вспоминает: когда его деда спрашивали, кто он, слышали в ответ — «православный». Если же расспросы продолжались далее, он отвечал — «русский», причём, как считает его потомок, делая это вполне сознательно²⁴. Эта экспертная оценка подтверждает наше предположение о дрейфе православной идентичности в сторону национально-культурной интерпретации, и вместе с тем дополняет его спецификой отождествления православия в «народном» дискурсе православных верующих Польши с одной из его национально-культурных форм (а именно, с «русскостью»).

В то же время, подобная положительная рецепция «русскости» сегодня характерна в основном для старшего поколения. Она системно разрушается не только извне, но и изнутри православного сообщества, в том числе отдельными высказываниями, появляющимися в православной прессе и касающимися, прежде всего, индивидуального восприятия Руси-России. В публикуемых в «Православном обозрении» материалах конференций, посвящённых, в частности, проблеме «Свой-Чужой», всё чаще проглядывает резкий негатив в отношении «русскости» со стороны православных поляков. «Русский — это совсем не обязательно термин, который объединяет, он, скорее, ссорит и разъединяет», — заявил в 2017 г. на одном из таких форумов известный в Польше художник православного

²² В пример можно привести перепечатанную журналом из интернет-ресурса spzh.news в переводе А. Матренчик статью петербургского историка Кирилла Александрова «Трудный 2023 г. Двенадцать важнейших событий», в которой за действительно трагическими событиями в Украинской церкви возникает образ России как внешнего агрессора, разрушившего Преображенский собор в Одессе и направившего сотрудников ФСБ для проработки местного духовенства. См. «Przegląd prawosławny». 2024. № 2. Ss. 36–39.

²³ В основном, в форме изложения лекций священника Польской церкви прот. Генриха Папроцкого, с которыми тот выступал, в частности, в рамках Летней школы философии.

²⁴ *Swój czy obcy* // *Przegląd prawosławny*. 2017. № 10. S. 29.

исповедания Леон Тарасевич, отрицающий, кстати, заодно и универсальность православия²⁵. Ещё несколько лет назад это мнение, правда, не было мейнстримом. Тем не менее данное высказывание показывает наличие внутриправославного разлома до начала специальной военной операции. Как видим, в настоящее время православная идентичность всё чаще растворяется в «польскости», выступая маркером личной либо семейной принадлежности к конфессии, отождествлённой с национально-культурной идентичностью страны проживания. Невозможно сделать однозначный вывод, насколько эти изменения *мотивируют* изменения оценочных суждений о России или же они *мотивируются* ими. В любом случае, перед нами опыт «четвёртого уровня» рецепции образа страны, связанный в том числе с переживанием и осмыслением медийных дискурсов и практик общения.

**«Русскость» как пейоратив:
культурная и этноконфессиональная
солидарность как маркеры
образа России и «русского мира»
в польской православной периодике**

Рассмотрим теперь, как культурная и этноконфессиональная «русскость» связана с «русским миром», сопоставив высказывания православных верующих с репликами официального медийного дискурса. Заметим в скобках, что единого понимания «русского мира» на сей момент не существует и в российской науке и политике. Наиболее востребованной нам представляется дефиниция «русского мира» как аналога «российской цивилизации», интегрирующим фактором которой является русская культура с её ценностями [Назарова, Фокина, 2015: 141]. По существу такое определение рассматривает

русскую культуру не только как солидарное, но и как диффузное целое, которое нельзя свести исключительно к страновому формату. Как минимум это касается русских диаспор, проживающих вне России, как максимум — тех жителей зарубежных стран, которые не относят себя к структурированным русским сообществам, но видят свою идентичность в свете принадлежности к русской культуре.

В общепольском научно-публицистическом и медийном дискурсах всё чаще встречается калькированное *ruski mir* с приданием ему резко негативной коннотации. При этом никаких попыток вникнуть в суть данного понятия, ставшего сегодня настоящим жупелом, в политических верхах Польши мы не встречаем. Для бывшего премьер-министра страны — это «рак, угрожающий большинству российского сообщества и Европе»²⁶. Для президента страны — это «жестокость, агрессия, война и смерть»²⁷. Эмоциональность высказываний в СМИ за последние годы ещё более усилилась. Такое функционирование лексемы *ruski* с лингвистической точки зрения, как уже отмечалось нами ранее, выглядит как «семантическая инновация с резко возросшей негативной оценочностью», не соотносимой с реальным понятийным содержанием образуемого с его помощью термина [Федюкина, 2023: 178].

В контексте данного исследования важно отметить, что сниженное до пейоратива понятие «русский мир» — это ещё и своего рода вызов польскому православию, которому близко его восприятие как «человеческого сообщества православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [Лукин, 2007: 113]. Определение, данное российским учёным на рубеже нынешнего и прошлого веков, действительно, сродни его восприятию восточнославянскими автохтонами

²⁵ Cerkiew wobec asymilacji: konferencja w Supraślu // Przegląd prawosławny. 2017. № 10. S. 29–30.

²⁶ В оригинале: «"Ruski mir" to rak zagrażający nie tylko większości rosyjskiego społeczeństwa, ale i całej Europie» // Информационный портал www.pap.pl/news. 2022. 18 nov. URL: <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C1483511%2Cpremier-morawiecki-ruski-mir-jest-rakiem-zagrazajacym-calej-europie.html>

²⁷ В оригинале: «"Ruski mir" oznacza brutalność, agresję, wojnę, biedę i śmierć» // Информационный портал TVP. 2022. 1 dec. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qNsqn9mHCM>

Польши, сохранившими свою православную идентичность. Об этом свидетельствуют факты, с которыми приходилось здесь сталкиваться вплоть до настоящего времени. Зафиксированы слова одного из таких автохтонов, некоего Павлючука из села Рыболы, чётко делившего среду своего обитания на «мир русский» и «мир польский». «Мир делится на русский и польский. Польский мир — это всё что чужое и не наше. А русский мир — это очень просто — наш мир, домашний, деревенский, церковный, улаженный, понятный» [Radziukiewicz, 2017: 10].

«Русский мир» в этой трактовке очень близок к упомянутому самоназванию автохтонов Восточной Польши — *tutejszy*, то есть ‘свойский, здешний’. Интересно в данном контексте свидетельство журналистки Радзюкевич, православной полячки, этнической белоруски, для которой устроенный «русский мир» по мере возрастания во взрослую жизнь начинал всё более разрушаться, разделяясь на «белорусский, украинский, литовский <...>, и даже на польский православный» [Radziukiewicz, 2017: 10]. Эта многослойность понятия вместе с его динамикой в сознании индивидуума практически отражает фазы исторической эволюции «русского мира» на территориях бывшей Западной Руси, когда с развитием национальных движений среди восточнославянских народностей на смену понятию «русский» пришли новые: «старобелорусский», «староукраинский», «западнорусский», разьединившие прежний — единый, «русский». В этом пронзительном сообщении чётко (возможно, именно в силу негативного посыла) просматривается важная для исследуемого ареала семантика «русскости» как единства. Мир «русский», действительно, распался, эволюционировав в ареале польского православия в мир «польский православный», в определённой мере сохраняющий этнокультурную неоднородность и скрепляемый ныне преимущественно вероисповеданием. Тем самым функция маркирования «единства»

остаётся за «православием», тогда как «русскость» в лингвокультурной объективации самосознания православных поляков эту функцию теряет.

Стоит отметить, что статус русского языка в православной среде Польши до последнего времени был довольно высок. Заслуживает внимания в данной связи факт поэтического творчества польских православных священников на русском языке в жанре народно-религиозной литературы, дожившем до наших дней в православном ареале Польши. Его как некую идеальную форму выражения своих мыслей (правда, со множеством диалектизмов) использовал недавно ушедший из жизни священник Василий Рощенко. Стихи-песни пастыря, созвучные локальной православной традиции и часто исполнявшиеся им вместе с прихожанами, были изданы Варшавской православной митрополией в томике «Мысли о Боге и вечном» [Рощенко, 2023].

За лингвокультурные маркеры «русского мира» можно принять и целый комплекс названий, бытующих в православном ареале Польши: это далеко не только наименование храмов, но и ономастика восточных окраин Польши в целом. Особого внимания заслуживают здесь т.н. «идейная хрематономия» [Галковский, 2015: 76], то есть возникновение названий, осмысливаемых в русле трансляции культурных смыслов, значимых в данном случае для православного населения восточной Польши. Примером здесь могут служить названия объединения межкультурного диалога (*Tropinka*), фестивалей (*Prolog*, «Олень по бору ходит») и прочее²⁸. Восточнославянские названия как один из этнолингвистических факторов, обусловивших ономастику окраинных польских земель можно отнести к элементам духовной реальности автохтонного населения современной Польши. Такие элементы-маркеры «русского мира», функционируя в различных взаимосвязанных реальностях православного ареала Польши, стали одним из элементов культурного

²⁸ Топонимическая составляющая ономастики данного региона рассматривалась нами в статье «К вопросу о “русскости” православного населения современной Польши» [Федюкина, 2019: 121].

кода польского православия. Таким образом, в рамках данной тематики «русскость» можно трактовать и в координатах эмпатии, а именно сохранившегося у старшего поколения расположения к России, к её вере и культуре, и как сознательное культивирование русского как «языка православия» [Лабынцев, Щавинская, 1999: 11].

Можно ли поставить знак равенства между интерпретациями «русского мира» в России и интерпретациями этого понятия православными верующими Польши? Разумеется, нельзя. В России различия в понимании «русского мира» определяет, прежде всего, разница в концептуально-мировоззренческих установках; в православной же польской среде в большей мере — степень ассимиляции в польском социуме. Чем сильнее ассимиляция, меняющая идентичность, тем больше отторжение от «русскости». «Русский мир» даже для зрелого поколения православных верующих на востоке Польши — это во многом лишь отзвук их восточнославянского прошлого, отсылающего в глубины истории; а для многих их православных соотечественников — уже просто анахронизм.

Стоит также остановить внимание на смысловой перекличке лексем *rosyjski* и *ruski*, имеющей в польском языке свою специфику [Лешкова, 2018: 167]. В этом контексте стоит рассмотреть высказывание одного из известных деятелей РПЦ А. В. Щипкова, заметившего, что «семантические отношения внутри этой пары, нельзя <...> перенести в международный контекст» [Щипков, 2021: 63]. Истинность данного утверждения относительна, так как в отношении польского языка разведение этих понятий закреплено исторически. Слово *rosyjski* — это знак России как государства со всей его атрибутикой, *ruski* же — в большей степени историзм, отсылающий к Руси и к ранней истории самой Польши, не мыслимой без этой Руси. В то же время общее семантическое поле обеих лексем включает конфессиональную

составляющую — православие, подразумевающее также особый алфавит, вовсе не чуждый польской культуре особенно на ранних фазах её развития и более того, неожиданно приобретший особую актуальность в последние два года, когда кирилло-мефодиевские истоки славянской письменности внезапно стали реальностью для широкой польской общественности. Теперь выясним, почему.

Кириллица вне «русского мира»?

Благодаря православию до сегодняшнего дня в границах современной Польши сохранилась церковно-славянская графика, т.е. кириллица. Кириллический алфавит традиционно воспринимается в православной польской среде как существенный компонент православной идентичности. «Эти буквы <кириллицы> — это наша святость», — высказывание известного лемковского поэта Петра Трохановского, зафиксированное православным историком-журналистом М. Болтрыком, свидетельствует о ценностной значимости славянской азбуки для местного православного населения [Bołtryk, 2019: 390]²⁹. Помимо лемковского этноса, определённые усилия для сохранения кириллицы предпринимает та часть православных поляков, которая считает себя потомками белорусов и украинцев.

Хотя популяризация кириллицы в настоящее время — важнейшее направление сохранения церковнославянского языка, интерес к ней ограничен, в основном, использованием кириллицы в религиозном обиходе. В большинстве православных храмов восточной Польши именно церковнославянский является языком богослужения, без которого немислима литургическая и библейская книжность. Роль кириллицы по-прежнему велика в церковных изданиях в виде молитвословов, гимнографических текстов и пр., в которых обычно используется церковнославянский

²⁹ Лемковское этническое сообщество, о котором уже шла речь, пожалуй, активнее всего в сравнении с другими этническими меньшинствами Польши сохраняет и культивирует свой язык, оформленный современной кириллицей.

шрифт, дополняемый, как правило, польским переводом. Однако при этом речь идёт именно о кириллице как таковой вне связи с графикой русского языка. Об отгораживании от «русскости» свидетельствуют, в частности, доходящие из страны сведения об отказе от традиционно действующих курсов преподавания русского языка в организациях, структурно связанных с Православной церковью.

Как же к кириллице относятся те, кто не приемлет «русский мир» в современной Польше? Оказывается, весьма положительно. Парадокс? Думается, что не совсем. К кириллической книжности Польши в 2023 г. обратились не только исследователи, но и польские политики, администрация, культуртрегеры. Причиной стало празднование тысячелетия Супрасльской рукописи, внесённой в реестр ЮНЕСКО «Память мира». С этим юбилеем были сопряжены ещё две даты: 500-летия пребывания этой рукописи в самом монастыре в Супрасле и 200-летия открытия её для научной общности виленским исследователем Михаилом Бобровским. В настоящее время Супрасльская рукопись, представляющая фрагмент великопостной Минеи на месяц март, — это самый объёмный из сохранившихся древнекириллических памятников. Хотя рукопись создавалась в Болгарии учениками Кирилла и Мефодия, хранилась она на протяжении пятисот лет в Супрасльском монастыре, расположенном в восточной части Польши; в Национальной библиотеке Польши ныне находится самая объёмная её часть — 151 лист.

Кириллическое наследие Польши, действительно, совсем немалое. Приведём некоторые статистические данные. По свидетельству проф. Варминско-Мазурского университета Зои Ярошевич Переславцев, которое мы приводим согласно её интервью, опубликованному польским «Православным обозрением», в Польше хранится 938 каталогизированных кириллических печатных изданий, но это лишь

незначительная часть в сравнении общим их числом, составляющим около 100 000 единиц. Немалое количество кириллических книг находится в католических храмах и монастырях, однако доступ к ним, по свидетельству того же польского исследователя, затруднён³⁰. Примечательно, что почти все издания носят на себе следы интенсивного использования, а «некоторые экземпляры буквально зачитаны» [Ярошевич-Переславцев, 2005: 58]. Кириллические памятники, таким образом, представляют не востребованный польскими учёными в полной мере объект исследования. В то же время, в истекшем 2024 г. выполнен перевод на польский язык Супрасльской рукописи силами вузовских исследователей из университетских центров Кракова, Познани и Белостока³¹. Также православной церковью отдельно изданы жития святых, вошедших в рукопись [Charkiewicz, 2023].

Как уже отмечалось, интерес к кириллице носит далеко не только научный характер. Во многом он вызван, как можно предположить, актуальными экстралингвистическими факторами, и прежде всего наплывом беженцев с Украины и готовностью польских властей к разрешению проблемы межэтнического взаимодействия путём наведения мостов с новым элементом этнокультурной реальности Польши. Признанием кириллицы частью собственного культурного достояния может быть частично преодолен существующий межкультурный барьер. Путь признания кириллицы и отрицания «русского мира», несомненно, внутренне противоречив. Однако в настоящее время в публичном пространстве Польши это противоречие затушевывается, во многом — благодаря всё большему вниманию, оказываемому властями страны Польской автокефальной православной церкви и упомянутой выше юбилейной дате. Имеются в виду организованные на широкую ногу торжества, связанные со 100-летием предоставления

³⁰ Radziukiewicz A. Z cyrylicą. Wwywiad A. Radziukiewicz z Z. Jaroszewicz-Peresławcew // Przegląd prawosławny. 2016. №10. S. 7.

³¹ Издан фондом «Ойкомонос» в г. Белосток. См.: [Codex Suprasliensis..., 2023].

автокефалии Польской православной церкви Константинопольским патриархом, пришедшемся на 2024 г. Ныне проводятся всевозможные торжественные встречи и мероприятия, связанные с шефством президента Польши над юбилейным празднованиями этой даты, освещаемые (с самыми лестными комментариями) и в православной прессе.

На главном православном Никольском храме Белостока, как следует из вышеупомянутого интервью с вице-президентом города Марэком Масальским, разместили памятную доску по случаю 100-летия автокефалии, освящённую на св. горе Грабарке; из городского бюджета выделены средства на создание специальной аллеи под этим памятным названием в городском парке³². По Масальскому, вся предыстория православия в Польши, в принципе, представляется заключённой во временной цикл от миссии Кирилла и Мефодия до 100-летия предоставления автокефалии Константинопольским патриархом.

Имеют ли указанные факты какое-то отношение к нашей теме? В определённом контексте, да. Дело в том, что в 1948 г. Польская Православная Церковь сама отказалась от неполной автокефалии, данной ей Константинополем, признав её «неканонической и недействительной». В том же году автокефалия была дарована «по праву Церкви-Матери» Русской Православной Церковью³³. Налицо двусмысленность ситуации, выразительно демонстрирующая нестабильное состояние внутри православного сообщества Польши. Фактически произошло отмежевание Польской церкви как от решения 1948 г., так и от самой России. Внутриконфессиональный вектор изменился в сторону Константинополя. Несомненно, это приведёт к очередным сдвигам в конструировании идентичности, а, возможно, а также к дальнейшим проблемам в сфере диалога культур, которые можно назвать родственными по многим исторически неизменяемым показателям.

Выводы

Проведённое исследование позволило зафиксировать нестабильность и неровность рецепции современного образа России и «русского мира» в Польше, представлена также неоднозначная роль кириллицы в культурном пространстве страны. Образ России, формируемый православными СМИ, изначально положительный, претерпевает изменения. В настоящее время на смену эталонности этого образа приходит осторожное либо настороженное замалчивание российского православия, коррелирующее с официальным дискурсом Польши последних лет, направленным на возведение барьера между православием внутренним и внешним. Проанализированные статьи польской православной периодики, интервью специалистов, поэтический язык и язык повседневности последних лет продемонстрировали отрицательную динамику восприятия «русскости» не только в общепольской, но также и в православной польской среде.

Идентичность православного населения меняется под воздействием ассимиляции в польском социуме. Комплекс общих культурных ценностей в данной локальной православной культуре деформируется под влиянием длительного воздействия иной национальной культуры с её ментальными моделями восприятия «Другого». Неприятие византизма в его российской форме привело к формированию негативных стереотипов о «русскости» и «русском мире». Внутренний конфликт, дифференцирующий культуру Польши, рассматривается сквозь призму несходства латинской и византийской культурных традиций, уделено внимание стереотипизации под воздействием, в том числе, внешних факторов. Хотя среди православных верующих отношение к «русскому миру» традиционно положительное, преграда «русскости»

³² Фрагмент интервью с М. Масальским, опубликованного в «Православном обозрении». См.: *Dzieło potosu // Przegląd prawosławny*. 2025. № 1. ss. 13–15.

³³ Скурят К. Е. История поместных православных церквей: Учебное пособие. В 2 т. Т. 2. Москва: Русские огни, 1994. С. 184.

растёт и в этой среде, что налагает отпечаток на дискурс православных СМИ. Существенным внешним фактором воздействия на локальную православную традицию стало сотрудничество с константинопольским патриархатом и признание за непреложный факт автокефалии, полученной от него. Внезапный всплеск интереса к кириллическому наследию в Польше происходил на фоне тенденциозности официального медийного дискурса.

Отношение к «русскому миру» находится в зависимости от всё возрастающей степени ассимиляции православных верующих в польском социуме. Уникальным фактом можно считать случаи поэтического творчества на русском языке, предпринятые здесь в последние годы. Выявленный общеконфессиональный поворот в сторону Константинополя, проявляющийся как в церковной политике, так и в грецизировании православной терминологии, маркирует тенденцию обособления от российского православия. Общим полем, скрепляющим российское и польское православие, в настоящее время остаются

общее агиографическое наследие, русская классика и идеи русских религиозных философов. Очерченная ситуация свидетельствует о сложном и противоречивом влиянии экстралингвистических факторов как на культурно-языковую реальность, так и на этноконфессиональную ситуацию православного ареала Польши. Дальнейшее исследование затронутой проблематики может идти, в частности, по пути изучения взаимовлияния политонимов, этнонимов и конфессионимов в процессе конструирования православной польской идентичности. Не менее важной темой сегодня становится специфика понимания «родства» как особого духовного отношения, представляющая ныне предмет научных разногласий и вызывающая острые споры среди рядовых православных верующих. Очевидно, что диалог локальных православных традиций в различных социокультурных контекстах также не перестанет интересовать исследователей. Особенно — если они надстраиваются над специфическим пониманием «почвы», сводящей её к этнополитическим конструктам *ad hoc*.

Список литературы:

- Бахарева М. Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 86–101. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
- Вежбицки А. Католицизм и польское нациестроительство // Вопросы национализма. — 2014. — №1. — С. 69–80.
- Галковский А. К вопросу о диапазоне хремотонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. С. 76–77.
- Козлов А. С. Инструментарий и смысл «авторских переводов» в «Res Gestae» Аммиана Марцеллина // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. — 2024. — Т. 15, № 6. — С. 11–33.
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. — Москва: Индрик, 1999. — 312 с.
- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Литературное наследие «православных поляков» Польше // Славяноведение. — 2000. — № 3. — С. 8–89.
- Лазари А. Польская и русская душа — взаимное восприятие // Польская и русская душа. Современный взгляд. — Лодзь: Wydawnictwo Ibidem, 2003. — 340 с.
- Лешкова О. О. «Ruski, rosylski, radziecki, sowiecki...»: к вопросу о семантической и прагматической эволюции лексем // Славянский мир: язык, литература, искусство. — Москва: МАКС Пресс, 2018. — С. 164–167.

Лукин Ю. А. Отношение к духовным ценностям: видимость и реальность // Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация — Москва: Научный эксперимент, 2007. — С. 113–124.

Лыкошина Л. С. Национальные меньшинства в контексте политического развития Республики Польша // Восточная Европа: межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. — Москва: ИНИОН РАН, 2016. — С. 81–106.

Назарова Е. Ф., Фокина А. В. Русский мир: обновление подходов к концепции // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 6. — С. 338–343.

Рощенко В., прот. Мысли о Боге и вечном. — Варшава: Варшавская православная митрополия, 2023. — 239 с.

Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 5. — С. 5–22.

Трыков В. П. Теоретические проблемы изучения образа другого // Россия в литературе Запада. — Москва: МПГУ, 2017. — С. 17–41.

Федюкина Е. В. Динамика коннотативного поля слова *ruski* в польском языке // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. — С. 177–178.

Федюкина Е. В. Специфика публицистического дискурса о России в польских православных СМИ // Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики. — Нижний Новгород: ННГУ, 2024. — С. 233–239.

Федюкина Е. В. К вопросу о «русскости» православного населения современной Польши // // Славянские чтения. — Москва: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. — С. 118–123.

Федюкина Е. В. Культурные ценности польского православия в свете современной аксиологии // ELPIS. — 2022. — Т. 24. — С. 81–87. <http://doi.org/10.15290/elpis.2022.24.12>

Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. — Москва: Индрик, 2005. — 232 с.

Щипков А. В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. — Москва: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2021. — 464 с.

Ярошевич-Переславцев З. Судьба кириллических изданий «литовской» печати // Исторический путь литовской письменности. — Вильнюс: Издательство Института литовского языка, 2005. — С. 43–59.

Bołtryk M. Dusza Łemka // Siewcy. — Białystok: Fundacja im. Księcia K. Ostrogskiego, 2019. — Ss. 385–391.

Charkiewicz J. Święta i święci Kodeksu Supraskiego. — Białystok: Fundacja Ojkomonos, 2023. — 118 s.

Codex Suprasliensis. Kodeks supraski czyli Cyrylicka księga supraska w przekładzie na język polski / B. A. Borkowski, M., Abijski, Z. Brzozowska, et al. — Białystok: Fundacja Oikonomos, 2023. — 432 s.

Czykwin E. Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana. — Białystok: Trans Humania, 2000. — 360 s.

Łagowski B. Polska chora na Rosję. — Warszawa: Fundacja Oratio Recta, 2016. — 335 s.

Radziukiewicz A. Bliski mi Wschód. — Białystok: Fundacja Ostrogskiego, 2017. — 350 s.

Zieliński J. Teoria cywilizacji według Feliksa Konecznego // Studia Koszalińsko-Kołobrzeszkie. — 2019. — №26. — S. 289–303. <http://doi.org/10.18276/skk.2018.26-15>

References:

Bakhareva, M. D. (2022) 'Modern Imagology: Significance and Development Prospects', *Concept: philosophy, religion, culture*, 6(2), pp. 86–101. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>

Bołtryk, M. (2019) 'Dusza Łemka', in Siewcy. Białystok: Fundacja im. Księcia K. Ostrogskiego, pp. 385–391.

Borkowski, B. A. et al. (2023) *Codex Suprasliensis. Kodeks supraski czyli Cyrylicka księga supraska w przekładzie na język polski*. Białystok: Fundacja Oikonomos.

Charkiewicz, J. (2023) *Święta i święci Kodeksu Supraskiego*. Białystok: Fundacja Oikonomos.

Czykwin, E. (2000) *Białoruska mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana*. Białystok: Trans Humania.

Fedyukina, E. (2022) 'Cultural values of Polish Orthodoxy in the light of modern axiology', *Elpis*, 24, pp. 81–87. (In Russian). <https://doi.org/10.15290/elpis.2022.24.12>

Fedyukina, E. V. (2023) 'Dinamika konnotativnogo polya slova ruski v pol'skom yazyke [Dynamics of the connotative field of the word ruski in the Polish language]', in *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy* [xiological aspects of modern philological research]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., pp. 177–178. (In Russian).

Fedyukina, E. V. (2024) 'Specifika publicisticheskogo diskursa o Rossii v pol'skikh pravoslavnykh SMI [Specifics of journalistic discourse about Russia in Polish Orthodox media]', in *Aktual'nye problemy slavyanskoj filologii, kul'tury i zhurnalistiki* [Actual problems of Slavic philology, culture and journalism]. Nizhny Novgorod: NNGU Publ., pp. 233–239. (In Russian).

Fedyukina, E. V. (2019) 'K voprosu o «russkosti» pravoslavnogo naseleniya sovremennoj Pol'shi [On the issue of the "Russianness" of the Orthodox population of modern Poland]', in *Slavyanskije chteniya* [Slavic readings]. Moscow: RGU im. A.N. Kosygina Publ., pp. 118–123. (In Russian).

Galkovsky, A. (2015) 'K voprosu o diapazone hrematonimii [On the range of chrematonymy]', in *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology.]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., pp. 76–77. (In Russian).

Jaroszewicz-Pierseławcew, Z. (2005) 'Sud'ba kirillicheskih izdanij «litovskoj» pechati [Fate of Cyrillic editions of the "Lithuanian" press]', in *Istoricheskij put' litovskoj pis'mennosti* [Historical path of Lithuanian writing]. Vilnius: Izdatel'stvo Instituta litovskogo yazyka Publ., pp. 43–59. (In Russian).

Khorev, V. (2005) *Pol'sha i poliaki glazami russkikh literatorov* [Poland and the Poles through the eyes of Russian writers]. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Kozlov, A. S. (2024) 'Tools and meaning of "author's translations" in the Res Gestae of Ammianus Marcellinus', *Imagines mundi: almanac of modern and contemporary history of XVI-XX cent.*, 15(6), pp. 11–33. (In Russian).

Labintsev, Yu. A. and Shchavinskaya, L. L. (1999) *Belorusko-ukrainsko-russkaya pravoslavnaya knizhnost' mezhoennoj Pol'shi: Issledovaniya i publikacii po materialam ekspedicii 1996 g* [Belarusian-Ukrainian-Russian Orthodox Books of Interwar Poland: Research and Publications Based on the Materials of the 1996 Expedition]. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Labyntsev, Yu. A. and Shchavinskaya, L. L. (2000) 'Literaturnoe nasledie «pravoslavnykh poliakov» Pol'she' [Literary heritage of the "Orthodox Poles" in Poland]', *Slavic studies*, (3), pp. 81–89. (In Russian).

Lazari, A. (2003) A. 'Pol'skaia i russkaia dusha — vzaimnoe vospriiatie [Polish and Russian souls – mutual perception]', in *Pol'skaia i russkaia dusha. Sovremennyi vzgliad* [Polish and Russian Soul. A Modern View]. Lodz: Wydawnictwo Ibidem, pp. 9–14 (In Russian).

Leshkova, O. O. (2018) 'Ruski, rosyjski, radziecki, sowiecki...: concerning semantic and pragmatic evolution of these lexems', in *Slavianskii mir: iazyk, literatura, iskusstvo* [Slavic world: language, literature, art]. Moscow: MAKS Press, pp. 164–167. (In Russian).

Lukin, Yu. A. (2007) 'Otnoshenie k duhovnym cennostyam: vidimost' i real'nost' [Attitude to spiritual values: visibility and reality]', in *Hristianskaya civilizaciya: sistema osnovnykh cennostej. Mirovoj opyt i rosyjskaya situaciya* [Christian civilization: the system of basic values. World experience and the Russian situation]. Moscow: Nauchnyj eksperiment Publ., pp. 113–124. (In Russian).

Lykoshina, L. S. (2016) 'Nacional'nye men'shinstva v kontekste politicheskogo razvitiya Respubliki Pol'sha [National minorities in the context of political development of the Republic of Poland]', in *Vostochnaya Evropa: mezhdgosudarstvennye i etnosocial'nye otnosheniya v XXI v.* [Eastern Europe: interstate and ethnosocial relations in the 21st century]. Moscow: INION RAN Publ., pp. 81–106. (In Russian).

Łagowski, B. (2016) *Polska chora na Rosję*. Warszawa : Fundacja Oratio Recta.

Nazarova, G. F. and Fokina, A. V. (2015) 'Russian world: the renewal of approaches to the conception', *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, (6), pp. 338–343. (In Russian).

- Radziukiewicz, A. (2017) *Bliski mi Wschód*. Białystok: Fundacja Ostrogskiego.
- Roshchenko, V. (2023) *Mysli o Boge i vechnom* [Thoughts about God and the Eternal]. Varshava: Varshavskaia pravoslavnaia mitropoliiia. (In Russian).
- Shchipkov, A. (2021) *Diskurs ortodoksii. Opisanie ideinogo prostranstva sovremennogo russkogo pravoslaviia* [Discourse of Orthodoxy. Description of the ideological space of modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii RPTs Publ. (In Russian).
- Tishkov, V. (2016) 'Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]', *Ethno review*, (5), pp. 5–22. (In Russian).
- Trykov, V. (2017) 'Teoreticheskie problemy izucheniia obraza drugogo [Theoretical problems of studying the image of the other]', in *Rossia v literature Zapada* [Russia in Western Literature]. Moscow: MPGU Publ., pp. 17–41. (In Russian).
- Vezhbitski, A. (2014) 'Katolitsizm i pol'skoe natsiestroitel'stvo [Catholicism and Polish Nation-Building]', in *Voprosy nacionalizma*, (1), pp. 69–80. (In Russian).
- Zieliński, J. (2019) 'Teoria cywilizacji według Feliksa Konecznego', *Studia Koszalińsko-Kołobrzeskie*, (26), pp. 289–303. <http://doi.org/10.18276/skk.2018.26-15>

Информация об авторе

Елена Владимировна Федюкина — кандидат культурологии, доцент кафедры общей и славянской филологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 129337 Хибинский проезд, д. 6, Москва, Россия, член Комиссии по языку религии Международного комитета славистов, Диплом II степени IX открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание» за книгу «Лексикон православной терминологии русско-польской» (Издательство Варшавской Митрополии, 2014). (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Elena V. Fedyukina — PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of General and Slavic Philology, Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia, 6, Hibinsky proezd Moscow, Russia, 129337, member of the Commission on the Language of Religion of the International Committee of Slavists, diploma of the 2nd degree of the IX open competition of publications "Enlightenment through the book" in the nomination "Best reference and local history publication" " for the book "Lexicon of Orthodox Russian-Polish Terminology" (Publishing House of the Warsaw Metropolitanate, 2014). (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 08.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 08.09.2025.